

Тая Брик

ИЗМЕНА

*Се лия ви,
предателъ*

Тая Брик

Измена. Се ля ви, предатель

<https://litres.ru/73901673>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Я просто разлюбил. Мужчина охотник, Зой. Ему не интересно питаться из миски. Ему свежая кровь нужна, горячая и живая.

Криво усмехаюсь.

- Стало быть, ты свою газель догнал?

- Твоя сестра Она эмоциональная. Яркая. Жгучая. Ты прости, конечно, но мне с тобой скучно. Думаешь, это я виноват? Нет. Это ты виновата. Ты себя запустила. Вся в детях, в заботах. Всё вечно держишь под контролем. А мне свободы хочется.

Удивительно как мало нужно слов, чтобы распороть восемнадцать лет брака по швам.

- Свободы? - Эхом повторяю на автомате. - Что ж, Давыдов, бери свою свободу. Завтра я свяжусь с адвокатом. Фирму я тебе не отдам, даже не надейся. Всё поделим.

- Ты что, правда думаешь, что я позволю тебе разрушить мой бизнес? Зой, не будь наивной душой. Хочешь делить - вперёд. Только получишь ты сущие копейки. Хотя даже такому ты должна быть рада, ведь ты и этого не заслуживаешь.

Муж изменил с моей сестрой и решил оставить меня у разбитого корыта.

Но не стоит недооценивать обиженную женщину

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	31
Г	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тая Брик

Измена. Се ля ви, предатель

Глава 1

Зоя.

— Миша, Даша! Вы встали?! — С первого этажа кричу на второй, надеясь на то, что двое моих подростков действительно соизволили подняться с кровати.

Дом лениво отзывается глухими шорохами, а из нашей с Димой спальни раздаётся голос мужа, что с самого утра на телефоне по рабочим вопросам.

На кухне уже гудит кофемашина, на огне шипит глазунья, тостер выплёвывает золотые ломтики хлеба.

Я сервирую стол для завтрака с той же щепетильностью, с какой занимаюсь своими архитектурными проектами. Всё на свои места: свежавыжатый сок, йогурт, фрукты, для Миши — хрустящая яичница, для Даши — с жидким желтком.

— Я пришла в этот мир слишком рано, — драматично сообщает Даша, появляясь в дверях с растрёпанным пучком и телефоном, который словно приклеен всегда к ладони. — Он не готов к моей гениальности в семь утра.

— Мир в ответ просит тебя надеть другую кофту. За эту мне твоя класснуха выговорит сегодня. Садись за стол, завтрак остывает.

Дочь присаживается на своё излюбленное место, подтягивает ноги на стул и обнимает колени руками. Пропадает в телефоне.

Снова чатится с друзьями с утра пораньше.

Дашке тринадцать. Она лёгкая и шумная. На запястье носит целую кучу браслетиков-резинок разных цветов. Вечно теряет шапки и ключи от дома. Она моя девочка от самой золотистой макушки и до кончиков пальцев. Моя копия, воплощённая в отдельном человеке.

— Ма, я к пацанам после школы. — Басит Мишка, торопливо сбегая с лестницы.

Сыну только пятнадцать, а голос уже очень на отцовский похож. За лето он вытянулся, и теперь почти на целую голову выше меня.

Мишка — сын своего отца. Спорит до хрипоты, отстаивает принципы и как типичный подросток всеми силами отлынивает от работы по дому. Но в то же время он лучше других улавливает перемены в моём настроении и, если видит, что я вымотана — забирает на себя часть обязательств, пока Дима занимается работой.

— Кто сказал? К каким пацанам? — Хмурюсь.

— Ну ма... — Вздыхая, закатывает глаза. — Я говорил позавчера. Ты сказала «да».

— Понятия не имею, о чём ты, — тянусь рукой к волосам сына, приглаживая смешной вихор на чёлке. Точно такой же и у Димы есть.

Сын снова показательно вращает глазами.

Он в футболке баскетбольной команды «Рыси», взлохмаченный, с видом человека, чья жизнь полна трагедий: контрольная по геометрии и мать, не желающая вникать в тяготы жизни молодёжи.

Он молча садится, тянется к тосту и, конечно, берёт тот, за которым уже тянулась Даша.

— Это мой! — возмущается она.

— Он был ничей, — философски замечает Миша, и тост исчезает в его бездонном рте.

— Мам, скажи ему! Он съел с ветчиной!

— Вы ещё подеритесь, — качаю головой.

Торможу их маленькую войну: докладываю ещё хлеб и ветчину, ставлю тарелки с яичницей. Параллельно наливаю кофе в любимую кружку мужа — чёрную, тяжелую, с небольшим сколом на ручке.

Кофе для Димы — как пароль дня. Без него он не разговаривает с миром.

Он появляется, как всегда, последним. В тёмно-синей рубашке, эффектно оттеняющей бронзовую кожу и голубые глаза, с расстёгнутой верхней пуговицей. Галстук расслабленно болтается на шее.

Но несмотря на всю свою внешнюю собранность и кра-

соту, я вижу на лице Димы отпечаток усталости — тёмную тень, что преследует его последние пару месяцев.

Он, откровенно говоря, совсем себя изводит.

Мы и раньше много вкладывались в семейный бизнес. Из росточка, не подающего надежд, взрастили солидную строительную фирму. Я работаю из дома — занимаюсь архитектурой и курирую проекты, Дима же отвечает за рост и процветание. И в последнее время он всё чаще задерживается, а порой и вовсе работает так много, что не приезжает домой, чтобы не тратить время на изматывающую дорогу за город.

— Доброе утро, — улыбаюсь мужу.

— Доброе, — отработанным за годы брака движением чмокает меня в висок и садится на своё место.

— Ты опять не спал, — не спрашиваю, а констатирую.

— Спал, — автоматом возражает, сжимает пальцами переносицу. — Немного. Полночи просидел над бумажками. Просто голова забита. Инвестор капризничает.

— «СеверКэп»?

— Угу. Назначил встречу через месяц. Я всё думаю, как обскакать Логинова, — произносит муж с нарочитой собранностью, словно складывает разрозненные детали в механизм. — Он наверняка станет давить по рентабельности, но я зайду сроками и инфраструктурой. Мы предложим инвестору то, что Логинову даже не снилось. Пакет предложений уже собираю и, если сработает — мы сорвём куш.

Он медленно отпивает кофе.

Это его «обскакать Логинова» в нашем доме звучит не впервые.

Логинов — призрак, что незванным гостем посещает каждое наше совещание. Его фамилия звучит чаще других, потому что он — конкурент, долгие годы дышащий нам в затылок.

Тосты и яичница медленно исчезают. Миша и Даша тянутся за последним бутербродом — синхронно, как в кино. Локоть Даши невинно стучает Диму в бок, и чёрная дуга эспрессо, взмыв в воздух, ложится безобразной кляксой на его рубашку и брюки.

— Чёрт, — сдержанно ругается Дима, глядя вниз.

— Переодевайся, — так же сдержанно отвечаю. — Закину в стирку.

— Ты золото, — кивает и исчезает.

Дети замолкают, виновато косятся друг на друга.

— Это он, — кивает Дашка на брата.

— Это ты, коза, папу толкнула!

— Потому что ты последний кусок из глотки вырвешь!

— Я растущий организм! — Басит сын.

— А я что, не растущий?! — В праведном гневе пищит Дашка. — Mam! Скажи ему уже, а!

— Ну что за бутерброды раздора? — Забираю из тарелки последний бутерброд, разламываю пополам и раздаю детям.

— Инцидент исчерпан?

— Угу, — пыхтят синхронно, поглядывая друг на друга

исподлобья.

— Марш одеваться тогда. Сегодня вас закинет папа.

Пятнадцать минут, и дом уже в режиме «на выход»: рюкзаки, ключи, куртки.

— Люблю! — Дочка целует меня в щёку и вылетает в сентябрьское утро.

Мишка кивает в своём новом взрослом стиле, но тоже обнимает.

Дима мелькает в прихожей в другой рубашке, но с тем же собранным, сосредоточенным лицом. Он надевает строгое классическое пальто, пару раз распыляет на себя духи, и плотный табачный аромат покрывает нас, как вуалью.

— Мм... — втягиваю запах носом.

Дима с досадой сотрясает флаконом.

— Заканчиваются уже. Ой...

Крышечка от флакона падает на пол и закатывается под мягкий пуф. Лезу за ней, но пальцы нащупывают что-то мягкое, воздушное.

Вытягиваю на свет тончайший шёлковый шарф. Он струится, как вода. Нежный узор, ровная печать рисунка, идеальные швы. И логотип с названием дорогущего бренда в уголке.

Это точно не моё.

Тогда чьё?

Глава 2

Зоя.

Хмурюсь.

— Это ещё что? — Спрашиваю вслух, сама удивляясь своей интонации.

Дима бросает на платок странный взгляд, но тут же отводит глаза.

— Понятия не имею, — безразлично жмёт плечами. — Сама бросила и забыла.

— Это точно не моё.

— Не твоё?

— Конечно. Такое я бы запомнила.

Дима тоже хмурится, копируя мою эмоцию, а затем его лицо проясняется.

— А-а! Так это же твоя сестра оставила. — Ловко натягивает кожаную перчатку.

— Настя? Когда?

— В прошлый раз, когда была у нас в гостях. Да-да, точно, вспомнил. Это её шарф.

— Правда? — Поднимаю глаза от шарфа.

Муж на полсекунды отводит взгляд в сторону, словно в памяти листает дни.

— На прошлой неделе она заезжала. Ты забыла, что ли? — Улыбается обворожительно, ямочки на щеках проступают.

— А, да... — киваю заторможенно, хотя совершенно точно не помню этой вещи на сестре. — Тогда скажу, пусть заберёт.

— Ага. Ладно, побежал. Гавриков ещё в школу закинуть надо. Постараюсь не задерживаться сегодня, — он быстро и смазано целует меня в щёку. — Не скучай.

— Не буду.

Закрываю за мужем дверь.

Несколько секунд держу шёлк в руках.

Это очень красивая вещь. Невесомая, как паутинка. И очень дорогая — судя по ощущениям и названию бренда. Думаю, один такой шарфик стоит тысяч пятьдесят, если не больше. Настя работает, да, но не так, чтобы баловать себя такими покупками. На зарплату администратора в фитнес-клубе такую роскошь не позволить.

И — что страннее всего — она бы похвасталась. Настя всегда хвастается покупками, даже незначительными.

А тут — промолчала.

Я вешаю шарф на крючок. Шелк льнёт к пиджаку Димы так, будто хочет остаться.

Встряховаю, чтобы не касался. Отчего-то становится неприятно и тревожно внутри.

Иду в прачечную, чтобы закинуть в стирку Димины брюки и застирать рубашку. Привычно выворачиваю карманы, и на пол, вместе с парой звонких монет, выпадает клочок бумаги.

Разворачиваю.

Ювелирный дом «Valentin».

Дата вчерашняя. Время — 20:37.

Сумма такая, что «шарф» нервно курит в сторонке. За эту стоимость можно купить неплохую машину...

Наименование «кольцо с бриллиантом в оправе из белого золота». Артикул 345612.

Пауза.

Внутри меня короткий провал в сердечном ритме. От лица отливает кровь.

Для кого Дима мог купить это?

День рождения у меня весной.

Годовщина свадьбы была в июне.

Новым годом ещё даже не пахнет.

Корпоративные подарки Дима не покупает лично — есть отдел снабжения.

Да и с каких пор на подарки партнёрам мы выделяем такие солидные суммы? Это уже не подарок, а как минимум взятка.

Внутри поднимается тонкая тревога, но делать поспешные выводы и поднимать бурю в стакане не в моих правилах.

Почему-то хочется скомкать этот чек и швырнуть в ведро, как лишнюю деталь проекта, которая мешает картинке стать идеальной.

Я так и делаю. Швыряю.

Секунда.

Поднимаю крышку, достаю. Разглаживаю. Складываю в

аккуратный ровный прямоугольник и прячу в карман домашнего кардигана.

Ты взрослая женщина, Зоя, а не детектив из сериала. Так что спрячь подальше теории заговора и глупые подозрения. Дима вернётся вечером, и ты спросишь у него прямо. Без скандалов и истерик.

И уверена, Диме нечего скрывать. Он всё объяснит и уничтожит мои дурацкие подозрения.

Возвращаюсь в прихожую. Шарф висит на крючке, как вопросительный знак. С ним дом выглядит иначе, будто в интерьер подложили чужеродную деталь.

Я делаю фото и отправляю сестре.

Зоя: Твоё?

Палец почему-то на миг застывает над кнопкой «Отправить», однако я принудительно тычу в неё.

Почти сразу Настя перезванивает.

— Зой? — С ноткой тревоги в голосе.

— Твой шарфик завалился за пуф в прихожей. Всю пыль там собрал. Забирать добро своё будешь?

— Ой, Зойка! — Настя внезапно веселеет. — А я уж решила... Конечно заберу. Завтра заскачу. Ты же всё равно дома.

— А вдруг нет?

— Да где ещё тебе быть? — Фыркает легкомысленно сестра. — Ладно, побежала. У меня на сегодня целая куча планов.

— Каких?

— Да всяких... — тянет таинственно. — Весь день в спа проторчу. Потом на шопинг. Девочковый день, в общем.

Девочковый день. На зарплату администратора в захудалом спортзале.

— Насть, у тебя ухажёр появился?

— Всё, сеструль, пока, — бросает трубку.

Экран светится, из динамика льются гудки.

Я совершенно не понимаю природу своей тревоги, однако совершенно чётко её осознаю.

Ладно, к вечеру дети вернутся взъерошенные, с новостями и смехом. Дима войдёт в дом, скинет пальто на тот же крючок, поймает взглядом шелковую паутинку, и тогда я спрошу про чек.

Не из подозрения, а из уважения к себе.

Глава 3

Зоя.

За окнами мягко расстилаются сумерки. Осень в этом году выдалась холодная, и темнеет непривычно рано. В полутьме кухни экран ноутбука ярко выделяется голубым прямоугольником, что освещает углы и создаёт причудливые рисунки теней по стенам.

В открытом передо мной документе проект, один из тех, над которым сейчас работает Дима. Как архитектор я занимаюсь планировкой этажей. Слева — список правок, пометки жёлтые, как стикеры.

Когда-то я тоже работала в офисе, вместе с мужем. Сидела в конференц-залах, моталась по презентациям, участвовала в совещаниях. Но с тех пор, как дети пошли в школу, а бизнес стал уверенно расти и развиваться, удобнее оказалось работать из дома.

Для нас с Димой это стало логичным решением — я могу быть рядом с детьми, помогать им с уроками и в то же время успевать всё: поработать над проектом, ответить на письма, пересчитать сметы.

Никаких ненужных затрат времени на утренние пробки и переработки до позднего вечера в пустом офисе. Эту часть на себя забрал муж, а я организовала своё пространство так, чтобы и эффективно работать, и быть хорошей мамой, же-

ной, хозяйкой.

Это нужно не только мне и детям, но и Диме. Он знает, что я всегда на связи, и что дом, семья — это не просто слова, а основа, вокруг которой и ради которой строится всё иное.

Вот и сейчас, просматривая планировки, я уверена, что именно это делает меня сильной — я не отрываю себя от семьи и одновременно двигаюсь вперёд.

За моей спиной едва слышно шумит духовой шкаф: картофельная запеканка пропекается, сыр уже схватился румяной корочкой. Я ставлю таймер на десять минут и возвращаюсь к строчке, в которую упёрлась ещё днём: поменять шаг колонн или утянуть перекрытие?

Курсор мигает терпеливо.

Телефон вибрирует на столешнице. Уведомление в семейный чат — место, в котором Дима общается коротко смайлами, дети — мемами, смысл которых нам уже не понять, я — голосовыми сообщениями на три с половиной минуты.

Открываю.

Миша: Задержусь на баскете. Тренер гасит. Доеду на автике.

Раньше я бы встревожилась и рванула за ним, но с годами привыкаешь, что подросток сам решает, как будет распоряжаться своим временем.

Дашка тут же присылает картинку в ответ. Профиль Димы остаётся в оффлайне.

Отвечаю коротко:

Мама: Ок. Шапку надень, холодно.

Ещё через пару минут всплывает уведомление от Даши.

Даша: Можно к Лизке? Проект по химии готовим.

Какой ещё проект?

Перезваниваю.

— Мам, ну я же тебе говорила! Химичка сказала, если хорошо сделаем, она нас от контроши освободит. Мы у Лизки посидим, потом меня её папа подбросит. Норм?

— Норм. Голодная?

— У неё поем.

— Ладно. Хорошо себя веди.

— Люблю, — отстреливает и пропадает.

Птенцы мои разлетелись кто куда.

А от Димы снова тишина.

Он с утра обещал приехать пораньше, и я несколько раз ловлю себя на том, что прислушиваюсь — не шумит ли во дворе гравий под колёсами его машины, не грохочут ли откатные ворота.

Но нет...

Из приоткрытого окна доносится только шорох веток и опавших листьев, с которыми играет злой осенний ветер.

И вместо лестничных пролётов и систем водоотведения я строю для мужа оправдания: инвесторы, сроки, люди, «СеверКэп», Логинов, нервы... Всё ради нас. Ради семьи. Ради будущего.

Таймер на духовке пищит, и я вытаскиваю форму. Запах

тёплый, домашний, с отчётливой сливочной ноткой. Ставлю на подставку, накрываю полотенцем, чтобы не остыло. Возвращаюсь к ноутбуку, дожимаю проблемный узел, оставляю себе комментарий «проверить с конструктором», сохраняю.

Внутри — странная усталость от того, что я одновременно в двух мирах: цифры и сыры, планы и ужин, схемы и мысли о том, где мои дети сейчас.

Спустя пару часов щелкает замок на входной двери.

— Мамулик, я дома! — Кричит Дашка и появляется в проёме кухни. Втягивает носом воздух. — М-м, запеканочка? Можно? Я сейчас с ума сойду от голода.

— Можно. Только сначала руки помыть.

Достаю тарелки, режу запеканку.

Даша рассказывает про новую училку по истории, про то, как мама Лизы, совсем как я, любит всё раскладывать по полочкам, смеётся, вздыхает.

Я киваю, слушаю, складываю в голове её день, как пазл из крупных деталей. Мне приятно, что дети делятся со мной радостями, победами и неудачами.

Вторым домой возвращается Мишка — вспотевший, в мятой футболкой под курткой. Стаскивает кроссовки на ходу.

— Мам, я голоден, как волк, — заявление факта.

— Мой руки и за стол, пока запеканка тёплая, — доставляю на стол ещё одно блюдо.

Он кивает, как взрослый. Ест молча, смотрит в телефон,

но не забывает сказать «спасибо».

— А где папа? — спрашивает Даша, когда наши тарелки почти пустеют.

— Задерживается на работе. Позже придет.

— Опять, — выдыхает Мишка с каким-то колючим подростковым раздражением.

— Опять, — повторяю эхом. И ловлю себя на том, что внутри меня тоже есть это раздражение. Небольшое, как заноза. Но есть.

После ужина дети разбредаются по комнатам.

Я расставляю посуду в посудомоечную машину. Дом возвращается в свою вечернюю тишину.

Ставлю чайник, открываю ноутбук, чтобы доделать работу: вношу последние правки, отправляю файл на почту. Попутно открываю чат с Димой.

Зоя: Когда домой? Твоя любимая запеканка остывает.

Сообщение отправляется. Галочки остаются серыми.

Звоню, однако «абонент временно недоступен».

Пробую через десять минут — то же самое.

От этого «недоступен» воздух в кухне становится плотнее, будто кто-то закрутил вентиль с кислородом. Дима действительно недоступен для семьи во многом, и чем дальше, тем меньше времени у него остаётся на детей.

Предпринимаю ещё пару тщетных попыток дозвониться до мужа.

В полночь гашу свет на первом этаже, проверяю двери,

захожу в ванную умыться. В зеркале женщина с усталыми глазами. Мне вдруг хочется отменить этот день и прожить его заново, но уже без напрасных ожиданий.

Увы, не выйдет.

Ложусь в холодную постель.

Комната тёмная, плотные шторы закрыты, часы на тумбе отсчитывают минуты с дурацкой педантичностью.

Я не сплю.

Слышу, как где-то в доме тонко потрескивает отопление, гоняя воду по трубам.

Ещё пару раз философски буркнув в сторону телефона, убираю его под подушку. Провалиться в глубокий сон не выходит, и я болтаюсь где-то между грёзами и реальностью, поэтому слышу, когда входная дверь внизу хлопает.

Машинально проверяю время — половина второго ночи.

Дима почти не задерживается внизу, игнорирует запеканку, оставленную на столе под вафельным полотенцем, и поднимается в спальню. Быстро раздевается, ныряет под одеяло, перекачивается на бок, лицом к стене.

Дышит глубоко, шумно.

— Где был? — Спрашиваю в его спину.

— Что за вопросы? — Он не оборачивается. Голос усталый, но не злой. — В офисе.

Смотрю в потолок, пытаюсь в темноте различить силуэты люстры.

— Дим, это ненормально, наверное, приходите по ночам.

А иногда — вообще не приходиться.

Пауза. Он ворочается, перекатываясь на спину.

— Ты же знаешь, какая сейчас напряжёнка. «СеверКэп» надо додавить.

— Мне стоит переживать?

— Из-за чего?

Я пару раз хватаю воздух ртом, чтобы спросить: «что за «Valentin», Дим?». Почти вытаскиваю из тёмной коробочки внутри себя этот прямоугольник правды. Почти. И проглатываю вопрос.

Он устал.

Я устала.

Сейчас мой вопрос прозвучит как атака. Я же предпочитаю выстраивать диалог, а не закатывать истерики.

Вместо этого спрашиваю другое:

— Дим, ты меня ещё любишь?

Он поворачивает голову. В полумраке я вижу его глаза — тёмные, уставшие, но с блестящими белками и холодным свечением в голубых радужках.

— Люблю, — отвечает после паузы. — Клянусь, как только «СеверКэп» закроем, это прекратится. Мне просто надо их дожать. И потом сразу рванём. На острова. На Мальдивы, хочешь? Будем лежать, пить коктейли из трубочек, не думать ни о чём, плавать в тёплом море...

— А дети? У них же школа.

— К чёрту этих спиногрызов, пусть дома сидят, — гово-

рит серьёзно, но тут же срывается в хриплый тихий смех.

Я хихикаю в ответ и всё-таки легонько стучаю его кулаком в плечо.

— Ты что, так нельзя. Они нас съедят заживо, если узнают!

— Ладно, — сдаётся. — Полетят с нами. Только ты сначала объясни им, что отдых с родителями — это весело.

— У нас с ними разные понятия о веселье, — признаю. — Но попробую.

Он подтягивает меня ближе. Я кладу голову ему на грудь. Под пальцами — знакомый ритм сердца. Запах — его: древесный, тёплый, с той самой сухой нотой, к которой я привыкла за эти годы.

Я вдыхаю глубже, будто от этого запах станет ответом на все вопросы.

Он не мог.

Эта мысль поднимается со дна сознания сама.

Дима не мог покупать колье для другой женщины. Я бы узнала. Да и он бы признался, а не водил меня за нос, как дуру. Ведь мы уважаем друг друга.

От этой простой мысли внутри вдруг становится спокойно и тихо. Тревоги сворачиваются в калачик и замолкают где-то в самом уголке моей души.

И ничего страшного не произойдёт, когда я спрошу его про чек. Я знаю, что он скажет мне правду, и эта правда меня не шокирует.

— Дим? — Произношу чуть слышно. — Я хотела кое-что уточнить...

В ответ — ровное дыхание.

Он уснул. Так быстро, будто тело выключили из сети.

Я смотрю ещё минуту в темноту. Кладу ладонь ему на щеку — под пальцами колкая щетина. Целую в уголок губ и шепчу туда, где, возможно, меня ещё слышат:

— Я люблю тебя.

Глаза закрываются сами. И сон, наконец, догоняет меня — вязкий, как кисель.

Глава 4

Зоя.

Днём тишина в доме всегда непривычно-стерильная, особенно на контрасте с шумным, суетным завтраком. Дима забрал детей, чтобы докинуть до школы. Уехал, бросив на прощание очередное «постараюсь не задерживаться».

На кухонном столе открыт ноутбук с проектом. Я двигаю стены на экране, считаю шаг колонн, ставлю себе пометку «пересчитать перекрытие».

На плите булькает куриный бульон — обед на вечер, в стиралке отстукивает цикл — спортивная форма Мишки.

Между этими звуками — моя работа.

Звонит домофон, и я бегу к входной двери. На маленьком экранчике видеонаблюдения Настя, широко улыбающаяся и размахивающая рукой.

— Открывай, свои!

Ворота откатываются, и ярко-зелёный мини-купер сестры закатывается во двор.

Встречаю её на крыльце, плотнее кутаюсь в кардиган, спасаясь от ветра, пробирающего до самого мозга костей.

Настя пружинит вверх по ступенькам. Она яркая и всегда в центре внимания. Совсем мы с ней не похожи. Даже и не скажешь, что родные сёстры. Я светленькая, Настя же в отца пошла — смуглая кожа, густая копна тёмных волос, карие

глаза, опушённые длинными ресницами. Настя младше меня на десять лет, держит фигуру в тонусе, так как работает в спортзале, и может дать фору даже совсем молоденьким девчонкам.

Вот только с мужчинами у Насти не складывается — характер тяжёлый, и это тоже в папу. Настя требовательна и не готова идти на компромиссы, поэтому её яркие и бурные романы обычно заканчиваются уже через пару месяцев, когда потенциальный кандидат на «долго и счастливо» теряет остатки терпения.

— Привет, Зо! — Сестра запархивает на крыльцо, целует меня в щёку и заглядывает через плечо в дом. — Чаем напоёшь? Маковой росинки с утра во рту не было!

— Конечно. Заходи.

На кухне я ставлю чайник, Настя плюхается на стул, осматривается, шерстит взглядом по сверкающей кухне, источающей ароматы куриного супа кастрюле, ноутбуку.

— Да-а, — тянет. — И когда только ты всё успеваешь?

— Что?

— Да вот это всё. У тебя же тут штаб-квартира: и работа, и бытовуха, и дети... Тебе б, Зо, домработницу. Дима у тебя бизнесмен серьёзный, неужели ему так в лом денег выделить на помощь бедной жёнушке?

— Во-первых, не Дима, а мы, — спокойно поправляю, расставляя на столе чайный сервиз. — Я тоже работаю в фирме, если ты забыла. Во-вторых, помощь мне не нужна.

Дом — это моя отдушина. Я так отдыхаю головой.

— Отдыхаешь... — Настя кривит губы. — Если бы я так «отдыхала», меня бы на третий день увезли в смирительной рубашке.

Наливаю кипяток, кладу ей мёд в чай — она любит много.

— Что у тебя нового? — Спрашиваю, чтобы увести разговор с моих кастрюль.

— Ой да ничего, — отмахивается. — Работа, дом, работа.

Она поправляет волосы, и я замечаю на её безымянном пальце кольцо. Крупный прозрачный камень ловит солнечную полоску на столешнице и вспыхивает так ярко, что буквально режет глаз.

Украшение на безделушку из отдела бижутерии не смахивает — уж я-то знаю толк в ювелирке.

Сердце отчего-то пропускает удар.

— Это что? — Голос мой предательски срывается на последней гласной.

Настя смущается, но недолго. Подставляет руку, чтобы я лучше рассмотрела украшение.

— Подарок, — проговаривает с удовольствием. — Красиво?

Беру её ладонь.

Тонкая корона, в центре — бриллиант, огранка чистая, свет уходит в глубину и возвращается искрами.

— Серебро?

— Бери выше, сестрёнка, — Настя улыбается плотояд-

но. — Белое золото. И настоящий бриллиант. Даже страшно представить, сколько это стоит.

В голове крутится строчка из чека: «Бриллиант в оправе из белого золота».

Господи, зато я, кажется, знаю, сколько оно стоит... Но зачем бы Дима стал покупать кольцо моей сестре? Или это лишь совпадение?

Одёргиваю руки от кольца подальше. Прячу их под столом и сцепляю на коленях, чтобы не выдать, как сильно трясутся пальцы.

— Насть, у тебя мужчина появился?

— Ну... — таинственно хлопает ресницами. — Он пока не совсем мой. Но в целом — да. Скажем так, мы движемся в этом направлении.

— И как же зовут твоего щедрого ухажёра?

— Секрет, — сестра понижает голос до доверительного полушёпота. — Страшный секрет.

— Я хочу с ним познакомиться.

— Познакомишься, — небрежно отрезает. — Обязательно. Просто чуть позже.

Под ложечкой сосёт тревожно. Желудок сворачивается, делает сальто.

Нет, нет, нет...

Голова мгновенно заполняется схемами «как это может быть, чтобы не быть». Я ищу там логические опоры и не нахожу. Ни одной!

— Зо, у тебя всё хорошо? — Настя склоняет голову к плечу и с тревогой заглядывает в моё лицо. — Ты побледнела. Тебе плохо?

— Не завтракала ещё, — еле выговариваю онемевшими губами. — Сахар, видимо, упал.

— Бабуль, — фыркает сестра. — Спортом займись. Со всем себя запустила.

— Насть, тебе лучше уйти. Мне и правда не очень хорошо. Хочу полежать.

Она закатывает глаза театрально, но поднимается.

— Ладно-ладно. Спасибо за чай. И за шарфик кстати. Я уж думала, что потеряла. Он чудесный, правда? Это тоже подарок моего котика, — подмигивает. — Ладно, сестрёнка, отдыхай.

Дверь хлопает. Тишина становится ощутимо тяжелей.

Сажусь, упираясь ладонями в стол.

Стараюсь дышать ровно и медленно, но тошнота настолько близко подкатывает к горлу, что я чувствую горько-кислый привкус во рту. Тело крупно колбасит.

Вытаскиваю чек из кармана кардигана, разворачиваю трясущимися пальцами. Открываю ноутбук. Захожу на сайт «Valentin». Ввожу артикул и жму «поиск».

Страница загружается мгновенно, будто ждала меня.

На фотографии кольцо на мягкой подушечке из бархата. Точная копия Настиного колечка.

Бриллиант в оправе из белого золота.

Каждое слово — как гвоздь в крышку гроба моего брака.

Я не знаю, как долго смотрю в экран. Вязну в этом странном, пугающей состоянии, словно земля подо мной разверзлась, и я лечу в чёрную пропасть.

Перестаю дышать. В висках появляется пустой звон.

Я знаю артикул. Знаю цену. Знаю сияние этого камня на пальце моей сестры.

Не знаю только, как теперь мне жить с этой мыслью...

Глава 5

Зоя.

Невидящим взглядом смотрю в окно на медленно тонущее в облаках солнце. Небо затягивает розовинкой, едва уловимой ещё, однако отчётливо намекающей на то, что день движется к логическому завершению.

Даша и Миша снова у друзей. Отпросились на выходные.

Я же, не находя себе места, шарахаюсь по дому, как приведение. Я в этих когда-то любимых стенах чувствую себя словно зверь, запертый в тесной клетке.

Мне душно.

И тошно.

Без конца строю в голове логические цепочки и допущения, при которых возможно было бы увязать эти странные совпадения и случайности во что-то правдоподобное.

Однако внутри себя я отчего-то крепко уверена: не совпадения это вовсе и не случайности.

Я просто не хочу верить. Не хочу думать о том, что Дима меня обманывал, однако факты...

На кухне варю крепкий кофе, но стоит сделать глоток, и он просится наружу. Желудок сжимается в спазме.

Кольцо, чек, бесконечные задержки на работе и Настин ухажёр, что может позволить себе преподнести женщине в подарок побрякушку, стоимостью с автомобиль среднего

класса.

А этот шарф...

Я не помню его на Насте, а значит, Дима приводил её сюда, пока меня не было дома.

Он трахал её здесь.

Где?

В нашей супружеской спальне?

На нашей кровати?

На моих простынях из египетского хлопка?

Боже...

Закрыв глаза, пытаюсь привести дыхание в норму. И мой план спокойно дожидаться мужа дома, чтобы откровенно и мирно всё обсудить летит к чертям.

Нет, я сойду с ума, если проведу наедине с собственными мыслями ещё хотя бы час!

Тщательно наношу макияж, выбираю строгий, но элегантный костюм.

Не стоит тешить себя надеждами, что разговор выйдет мягким и ненавязчивым.

Я не стану строить дом из недосказанных слов и натянутых фраз. Не буду копить в себе вопросы, пока они не лопнут, как мыльный пузырь.

Мне нужны ответы. Я должна их найти.

Придирчиво разглядываю себя в зеркало и остаюсь более чем довольна результатом.

Говорят, чем хуже женщина себя чувствует, тем лучше

она выглядит. И если следовать этому утверждению, то можно сделать вывод, что в моей душе дыра размером с пару солнечных систем.

Чиркнув детям записку о том, что суп на плите, я выезжаю в офис мужа.

В офисе всегда многолюдно, и сегодняшней вечер не исключение.

Здоровуюсь с коллегами. Лиц многих сотрудников не узнаю — Дима нанимал их уже без меня.

Когда я вхожу в приёмную мужа, Катерина, его секретарша, слегка вздрагивает. Её глаза широко распахиваются.

— Ой, Зоя Валерьевна, а мы вас не ждали сегодня... — Она замолкает и съёживается под моим пристальным взглядом.

— Я ненадолго. Мне нужно поговорить с Дмитрием Андреевичем, — чеканю с непривычной для себя твёрдостью.

— Зоя Валерьевна, а к нему сейчас нельзя. У него важные посетители.

— Ничего, я подожду.

— Это скорей всего затянется... Может, вам будет удобнее дождаться в кафетерии? А я вас позову, как только...

— Нет-нет, я подожду здесь, — отрезаю, не пытаюсь скрыть решимости и воинственного настроения.

Катя замирает, её лицо становится совсем белым.

Занимаю места на диванчике у стены.

Мы с Катей периодически переглядываемся. Обменива-

емся взглядами, полными напряжения.

Она нервничает. Бестолково перекладывает какие-то бумажки с одного края стола на другой, щёлкает по клавиатуре и всё косится без остановки в мою сторону, выглядывая из-за своего монитора.

Поджимаю губы и смотрю, как время тянется, а часы на стене тикают, будто предвестие.

Стучу пальцами по подлокотнику дивана, убеждая себя, что я достаточно терпелива, чтобы не врываться в кабинет мужа среди важного совещания, однако двадцать минут спустя моё терпение лопается.

Как будто у меня нет права там быть!

— К чёрту! — Резко встаю.

Катя подскакивает, закрывая дверь в кабинет своим телом.

— Зоя Валерьевна, не ходите! Он сейчас очень занят! Просил не беспокоить!

Я мягко отстраняю её, не смотря на протесты. Прохожу мимо, не давая ей ни одного шанса меня остановить.

Распахиваю дверь и замираю.

Дима сидит в своём большом кожаном кресле, словно царь в троне. Он расслабленно откинулся на спинку, голова задрана вверх, глаза блаженно прикрыты, и только ресницы мелко подрагивают. Рот приоткрыт, и с его губ срываются тихие, хриплые выдохи.

А из-под стола мужа доносятся звуки: тихие, но совер-

шенно недвусмысленные.

Зажмуриваюсь от отвращения. От гадкого, въедливого чувства внутри.

Дверь за моей спиной с тихим щелчком захлопывается, и Дима моментально выпрямляется.

— Я же просил... — рычит, не пряча гримасы недовольства, однако при виде меня теряется. Его взгляд, подёрнутый поволокой похоти, медленно обретает осмысленность. — Зоя? Зой, ты чего здесь делаешь?

Он одергивает съехавший ворот рубашки, пытается придать себе более целомудренный вид, однако уже до нашего разговора я получила ответы на все интересующие меня вопросы.

— Сволочь... — Зло цежу сквозь зубы.

Я поймала его в ловушке.

Однако у меня ощущение, что поймали меня. И я никуда не могу деться отсюда...

— Зой, в чём дело-то?

— Я приехала поговорить.

— Конечно. О чём?

Губы мои сами по себе вздрагивают в истеричной усмешке.

У него под столом женщина, а он спрашивает «о чём»?

Только мужчины, пожалуй, отвергают свою вину даже в случае, когда их буквально поймали с поличным.

— Я приехала поговорить о тебе и Насте. Я знаю, что у

тебя роман с моей сестрой.

— Чего? Зой, ты о чём вообще говоришь? Это какой-то...

— Не нужно оправдываться. У меня достаточно доказательств, чтобы бросаться такими громкими обвинениями.

— Зойка, ты что? Ты с ума сошла?! Откуда ты эту чушь взяла? Девочка моя, придумала себе глупость какую-то!

Он выдаёт мне эту ободряющую тираду, однако не предпринимает попытки встать с места.

Уж не потому ли, господин Давыдов, что в данный момент вы восседаете на своём троне без трусов?!

Он собирается продолжить пламенную речь, однако не успевает: из-под стола, не теряя достоинства, выползает Настя. Она выпрямляется встаёт позади моего мужа, собственнически возложив ладонь на его плечо. Большим пальцем вытирает губы с размазанной помадой.

Мы встречаемся взглядами.

И в её глазах, которые я видела столько раз, появляется новая эмоция для меня — холодная и колючая, токсичная, ядовитая.

Торжество.

Губы растягиваются в самодовольной улыбке.

— Да ладно, Дим, она уже нас застучала. Ну правда, хватит этих игр. Ты ей расскажешь, или мне самой это сделать?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.